

Пушкин и Лермонтов – вечные спутники

Эрик Эгеберг

«Как современная обоим поэтам критика (прежде всего – в лице Белинского), так и позднейшая историко-литературная наука тесно связали их имена. И для этого были все основания: недаром в Лермонтове видели продолжателя дела Пушкина, его приемника и наследника,» пишет Андрей Федоров²²⁶). С этим общим мнением насчет «всех оснований» нетрудно согласиться, но в то же время не легко определить те места, в которых продолжатель дела отличается от его зачинателя. Далее, нужно установить, о каком именно «деле» здесь идет речь – общественно-политическом или литературно-эстетическом? По обеим линиям проведены исследования, выявившие целый ряд как схожестей, так и различий этих поэтов. (О Пушкине и Лермонтове как прозаиках не будет идти речь.)

Таким образом, уже установлено довольно устойчивое мнение о соотношении Пушкина и Лермонтова, но остается проблема педагогического порядка. Дело в том, что опыт показывает, что видеть различия их поэзии и формулировать свой взгляд на них представляет из себя трудности не только для начинающих студентов, но и для их преподавателя. Причин к этому несколько, но главная проблема та, что обилие схожестей затеняет отличия, которых тоже много, хотя менее ярких и вследствие этого грозящих тонуть в общем поэтическом словаре и равномерно повторяющемся потоке четырехстопных ямбов. Конечно, можно составлять подбор стихов обоих поэтов, показывающий отличия на разных уровнях, т. е. что-то наподобие популярного жанра «Достоевский и Толстой». В самом деле, сопоставление творчества поэтов имеет свои преимущества перед тем же приемом в области художественной прозы, потому что одно стихотворение в сжатом виде может показать больше, чем сотни страниц прозы, хотя не следует забывать, что поэзия и проза выявляют разные стороны данного автора.

Но какую пару стихотворений брать для сравнения наших двух поэтов? Самый близкий ответ гласит: «Пророк», тему которого можно проследить от Пушкина (или даже от Кюхельбекера) не только до Лермонтова, но и через всю русскую лирику до Евтушенко (и, может быть, еще дальше). Другой, менее очевидной, парой подходящих произведений являются «Арион» Пушкина и «Парус» Лермонтова, сюжеты которых разны, но многие мотивы общи: плавание, буря, мятеж. Оба стихотворения в свое время входили в список произведений, разбор которых требовался от студентов.

Особенностью «Ариона» Пушкина является его двуликость: одно лицо обращено к далекой давности, к античной мифе об Арионе, другое к более близкому прошлому – к безуспешному восстанию декабристов (в языке того времени: мятеж). Наличие двух планов может усложнять анализ «Ариона», но маскировка так прозрачна, что во всех поворотах проглядывается лицо Пушкина.

²²⁶ А. В. Федоров. Лермонтов и литература его времени. Л. 1967. Стр. 92.

А что касается «Паруса» Лермонтова, то он был написан почти одновременно со стихотворением «Челнок» (август 1832 г.), которое, будь оно таким же хрестоматийным как «Парус», могло бы занять его место в предлагаемом здесь сопоставлении с «Арионом».

АРИОН

Нас было много на челне; // Иные парус напрягали, // Другие дружно упирали // В глубь мощны
веслы. В тишине // На руль склонясь, наш кормщик умный // В молчанье правил грузный челн;
// А я — беспечной веры полн, — // Пловцам я пел... Вдруг лоно волн // Измял с налету вихорь
шумный... // Погиб и кормщик и пловец! — // Лишь я, таинственный певец, // На берег выброшен
грозою, // Я гимны прежние пою // И ризу влажную мою // Сушу на солнце под скалою

ПАРУС

Белеет парус одинокой // В тумане моря голубом! // Что ищет он в стране далекой? // Что кинул
он в краю родном? // ...Играют волны — ветер свищет, // И мачта гнется и скрипит... // Увы! Он
счастья не ищет // И не от счастья бежит! // Под ним струя светлей лазури, // Над ним луч солнца
золотой...А он, мятежный, просит бури, // Как будто в бурях есть покой.

Вместо того, чтобы обсуждать, какие выводы можно делать на основе сравнения этих стихотворений, посмотрим, что скажет знаменитый датский критик Георг Брандес о творчестве и личности их авторов. Брандес не владел русским языком, свои петербургские доклады (1867 г.) он читал по-французски. Но читать русские произведения он мог: прозу в датском переводе, поэзию в немецком переложении Боденштедта.

Вот мнение Брандеса о Пушкине: «Как дух Пушкин сильно отстаёт от Байрона, у которого никакая усталость от жизни не изнуряла пылающего восторга свободы, который, став его жизнью, вел его к смерти, тогда как вера в свободу юного Пушкина при переходе к возмужалости переменилась на грубое восхваление отечества.»²²⁷) О Лермонтове же: «И в то же время он пишет ту массу лирических стихов, в которых гордая душа без обиняков проявляет свою непокорность. Пушкин мог поддаваться, позволять себе соблазняться, торговаться своим убеждением, делаться грубым патриотом – а он никогда!»²²⁸.

Суждения датского критика бесспорно односторонни, по мнению многих даже несправедливы, особенно в отношении Пушкина. Но можно ли безоговорочно отрицать, что в словах Брандеса содержится доля, даже немалая, правды? обстоятельный ответ на такой вопрос требует чтения сотен страниц, но толчком к чтению и к раздумьям может служить хорошо обдуманый подбор стихотворений для сопоставления. В творчестве Пушкина и Лермонтова имеется много таких произведений, являющихся сокровищем для педагога. В литературоведческой статье следовало бы – как в книге Андрея Федорова – проследить тему до конца, а в работе с педагогической целью лучше поручать дискуссию студентам.

²²⁷ Georg Brandes. Samlede Skrifter. T. 10. Kjøbenhavn 1902. Стр. 465.

²²⁸ Там же, стр. 468.